

Контрасты дня и ночи

Одним из заметных событий традиционных «Декабрьских вечеров» в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина стала премьера оперы Бенджамина Бриттена «Поворот винта».

Со времени премьеры оперы Б. Бриттена «Альберт Херринг» прошел год. В нынешнем цикле «Декабрьских вечеров» — новая премьера: «Поворот винта». Обращение музыкантов к этим камерным операм английского композитора не случайно: сопоставляя стилистически разные сочинения, авторы инсценировок дают нам возможность расширить представления о ясном и одновременно сложном, простом и в то же время многозначном творчестве одного из ярчайших классиков XX века. Но не только это вызывает чувство благодарности С. Т. Рихтеру и Б. А. Покровскому, чья творческая воля охватывает каждый нюанс спектаклей: слушателям еще подарен восторг от красоты, которую несет в себе музыка Бриттена.

Атмосфера «Альберта Херринга» напоминала о Стерне, Диккенсе «Записок Пиквикского клуба», вела к традициям утонченного английского юмора. В «Повороте винта» атмосфера иная: мир здесь — не остроумная игра, а загадка. Опера, созданная по мотивам рассказа Генри Джеймса, навевает ассоциации с прозой Эдгара По, Анн Радклиф. Через контрасты Дня и Ночи, Зла и Добра, реального и фантастического открывается идея оперы о гармонии, чистоте и доверчивости детской души. Альтернативы-символы определяют музыкальный язык оперы, проявляются в очертаниях ее персонажей, они же в основе музыкально-драматургического решения спектакля.

Рельефно и выразительно прочтение образа Губернанти народный артисткой РСФСР Галиной Писаренко. Сочная и яркая красота голоса, актерское мастерство Писаренко придали рисунку ее роли психологическую объемность и глубину. С виртуозной художественной завершенностью солистка передает сложную палитру чувств. В столкновениях противоречивых эмоциональных движений Писаренко воссозда-

ет сложный и вместе с тем цельный мир героини. Замечателен ансамбль Писаренко и Л. Белообрагиной (партия миссис Гроус), выплывающий эмоционально гибкими и точными линиями. В неординарных поворотах сюжета, полного недомолвок и неясностей, созданные ими персонажи подчеркнуты реально.

Иной — иллюзорный и эфемерный — «ночной» мир призраков Куинта и Джессел (В. Напарин и Н. Ли). Пленительно вокальное обаяние В. Напарина. Его голос одухотворенно чистый, мягкий, полетный. Именно эти достоинства позволили ему с такой кажущейся легкостью справиться со сложнейшей партией Куинта, сплетенной из образно-смысловых полутонов. Столь же сложна партия Джессел, и столь же искусно ее исполнила Н. Ли. Чуть сумрачные, бархатистые тона, наполненные пряными обертонами, определили характерную доминанту образа. Вокальные манеры В. Напарина и Н. Ли разные, однако тембры их голосов словно рождены из единой субстанции, подобной рафинированному чувственному колориту живописи прерафаэлитов.

Пленники Дня и Ночи — дети Майлс и Флора (М. Ивашкин и Е. Смирнова) становятся «солнечным сплетением» музыкально-драматического смысла оперы. Понимание и музыкальность двенадцатилетнего солиста Максима Ивашкина удивляет. Его жизнь в музыке (и в спектакле) по-отрочески звонкая, светлая, но тут же и хрупкая, неуловимая, как звуковая ткань создания Бриттена.

Постановка «Альберта Херринга» была подчинена законам синкретического театрального представления, где музыка, слово, действие были единым праздником. В «Повороте винта» все направлено от внешнего к внутреннему: режиссура здесь предельно экономна, элемент зрелищности минима-

лен (художник Б. Мессерер). Авторы сознательно устремляют наше внимание не к однозначной конкретности зримых образов, а к многозначности образов звуковых. Как-то композитор сказал о музыке Шуберта: «Меня восхищает постоянное обновление магии, каждый раз сохраняющей свою тайну». Своя тайна есть и в музыке «Поворота винта». Стремятся ли ее развенчать создатели спектакля? Нет. Но партитура Бриттена исполнена таких редкостных красот, и сценическая «внешность» оперы так умно и просто подчинена этой завораживающей звуковой стихии, что туманности сюжета отступают на далекий план.

Получился именно музыкальный спектакль, в котором музыка руководит всем и всеми. Потому-то ансамбль солистов (как вокалистов, так и инструменталистов) представляет собой замечательное художественное единство, внутри которого полифония смыслов и эмоциональных движений.

Несомненна творческая удача художественного руководителя и дирижера Владимира Зивы. В его отношении к музыке нельзя не ощутить тех же артистизма и музыкантской чуткости, что присутствовали в «Альберте Херринге». Тогда была какая-то особая легкость и элегантная пластика в его дирижерских жестах, внешне чуть театрализованная (оправданная жанром) манера быть капельмейстером в спектакле-водевиле. Образная тональность «Поворота винта» делает его дирижерскую манеру иной: внешне более лаконичной и собранной, внутренне более глубокой и разноплановой. В звуковой картине спектакля привлекли вокальная и инструментальная отточенность интонаций, прослушиваемость каждого элемента фактуры. Однако дирижер избегает нарочитой детализации, что нередко бывает в прочтениях камерных партитур. Во всей музыкальной ткани, и особенно в оркестровых интермедиях, присутствовало то, что как раз можно было бы назвать «постоянным обновлением магии» оркестра: в камерном звуковом микро-

космосе передавались тончайшие тембровые и гармонические нюансы; звучание то растворялось в сонористическом таинстве (к примеру, во вступлении ко второму акту или в «Сцене ночью»), то обретало четкие неоклассические рельефы (сцена «Фортепиано», начало финальной сцены). Но в разнородном и изощренном сложном ансамбле британского оркестра дирижерский замысел устремлялся прежде всего к утверждению звуковой красоты и гармоничности. Отклик же каждого солиста оркестра был здесь что называется без потерь. Музыкантская и профессиональная честность молодых исполнителей — это и очевидность, и похвала, но и аванс на творческое будущее камерного коллектива, руководимого Зивой.

Уже состоялась премьера. И был успех... То, о чем говорит В. Зива, мог бы сказать, наверное, каждый, кто работал в спектакле: «Вот сыграно сочинение, наступает момент тишины. В этот момент как раз чувствуется, что что-то получилось, и тогда ощущаешь радость. И еще это ощущение какой-то уникальной контактности всех присутствующих в зале, которая так воодушевляет, которую так щедро дарит искусство! Ощущаю необыкновенную радость от общения со Святославом Теофиловичем Рихтером. Он учит понимать музыку как никто другой. Он умеет объединить всех в музыке».

Вдохновитель «Декабрьских вечеров» С. Рихтер действительно всех объединил в этом спектакле, как и в других концертах «Вечеров», посвященных на этот раз Мастерам XX века. И это не только высокий творческий союз музыкантов, но и единение слушателей с искусством Прокофьева, Шостаковича, Бартока, Стравинского, Хиндемита.

Что же касается двух талантливых постановок опер Бриттена (истати, осуществленных в истории советского музыкального театра впервые), хочется надеяться, что их сценическая жизнь продолжится.

В. ЧИНАЕВ,

кандидат искусствоведения.